

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'271.1(091)

ББК ШП41.12-553+ШП41.12-03

ГСНТИ 16.21.55

Код ВАК 10.02.01

С. А. Громыко
Вологда, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

АННОТАЦИЯ. В работе на материале дискуссии в дореволюционной Государственной думе рассматриваются некоторые аспекты русской парламентской риторики начала XX века. В центре внимания — устная публичная речь русских националистов. Исследуются выступления в Думе наиболее известных депутатов-националистов: П. А. Крушевана, В. М. Пуришкевича, Н. Е. Маркова. Устанавливается особая роль в их выступлениях речевой агрессии. Выделяются три основных объекта речевой агрессии этих ораторов: депутаты, присутствовавшие в зале заседания (некоторые депутаты этой группы были зачинщиками думских скандалов), «нерусские» (при этом речевые атаки на евреев были мелкими и рассредоточенными по разным выступлениям, а на представителей других наций — развернутыми, интенсивными и содержащими угрозы), русские.

В основе речевой агрессии депутатов-националистов лежала ирония, переходящая в издевку и осмеяние. Распространение иронии в речах именно националистов объясняется развитием институциональных ограничений в думском дискурсе. С иронией тесно связано широкое использование крайне правыми депутатами прецедентных высказываний и имен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; парламентская речь; парламентская риторика; речевая агрессия; ирония; прагматика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»; 160000, Вологда, пр-т Победы, д. 37, к. 69; e-mail: ling2007@yandex.ru.

Экстремистский дискурс и экстремистский текст в последние несколько лет стали объектами интенсивного научного изучения. Активному исследованию подвергаются тексты экстремистских религиозных организаций [Балукова 2013], образы, использующиеся с целью коммуникативного воздействия на адресата [Злоказов 2015], когнитивные особенности и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса [Ворошилова 2014], информационно-психологическое воздействие религиозно-политических экстремистских текстов [Тагильцева 2015], жанры современного экстремистского дискурса [Бабикова 2015]. Несомненный научный интерес представляет коллективная монография «Экстремистский текст и деструктивная личность» [Экстремистский текст... 2014].

Такое внимание к различным аспектам речи националистов и экстремистов связано в первую очередь с ее распространением в современном мире и безусловным негативным влиянием как на общество, так и на личность с позиции современной аксиологии. В этом плане изучение риторики русских националистов в историческом аспекте [Громыко 2016] представляется также очень важным для понимания речевого генезиса русского национализма, выявления устойчивых форм, жанров, моделей и прочих констант речевой деятельности представителей данной политической группы. Датой зарождения русской националистической риторики следует счи-

тать начало XX в., когда были созданы сразу несколько печатных изданий для трансляции крайне правых и антисемитских идей (например, «Бессарабец» и «Знамя» П. А. Крушевана), а затем в 1905 г. был образован «Союз русского народа» со своим мощным печатным органом — газетой «Русское знамя». Эти издания сыграли большую роль в истории России: достаточно упомянуть хотя бы публикацию в «Знамени» в 1903 г. знаменитых «Протоколов сионских мудрецов».

На данном этапе националистический дискурс только оформлялся в качестве составляющей русского политического дискурса рубежа веков и не имел системного характера, выступления националистов были ограничены такими площадками, как небольшой сегмент правой печати, речи на митингах и собраниях единомышленников. Для полноценного развития националистического дискурса была необходима легитимизация путем представленности в институтах власти. Датой рождения русской националистической риторики как самостоятельной политической дискурсной формации следует считать 1907 г., когда русские правые радикалы впервые получили представительство во Второй Государственной думе и произнесли несколько речей, получивших широчайший резонанс в российском обществе. Так русская националистическая риторика стала институциональной.

Данная статья посвящена анализу речевой агрессии в выступлениях депутатов-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 16-34-01050 «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)».

© Громыко С. А., 2016

националистов во Второй, Третьей и Четвертой Государственных думах. Сразу же заметим, что термин «националисты» нами употребляется условно. Сами себя депутаты в начале XX в. так, естественно, не называли. Мы используем современную дефиницию термина «национализм»: «...проповедь собственной национальной выделенности и исключительности, с необходимостью дополняемая недоверием к чужим этническим общностям» [НФС 1999: 465], т. е. понимаем под ним идеологию, являющуюся по своей сути экстремистской. О близости двух этих понятий в языковом сознании современного человека пишут и авторы упомянутой коллективной монографии [Экстремистский текст 2014: 9]. В качестве объекта для анализа были выбраны отраженные в стенограммах заседаний парламента развернутые выступления и реплики крайне правых консерваторов-монархистов, состоящих в руководящих органах «Союза русского народа» или других «черносотенных» организаций (например, «Русского народного союза имени Михаила Архангела»). Среди них наибольшее внимание обращалось на речи тех депутатов, которые вызывали ажиотаж не только в Думе, но и за ее пределами. Огромное влияние как на ход политической дискуссии, так и на развитие парламентских речевых практик в разное время оказали П. А. Крушеван, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков (Марков Второй).

Анализировались выступления в Государственной думе второго, третьего и четвертого созывов не только потому, что именно в них правые радикалы получили законное представительство и образовывали фракции: отдельные правые монархисты были избраны в парламент и ранее. Дело в том, что в Первой Государственной думе 1906 г. речевая деятельность вообще носила принципиально иной характер. Только что избранные депутаты, представлявшие различные сословия не номинально, а вполне реально, имели слабое представление об организации деятельности парламента, о поведении в нем и о регламенте. Отсутствие в политическом дискурсе «профессиональных» парламентариев привело к тому, что и речевая агрессия была чуть ли не основным компонентом дискуссии в первом российском парламенте.

Речевая агрессия — «проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой для данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [Щербинина 2012: 13]. Исследователь со-

временной речевой агрессии Ю. В. Щербинина рассматривает агрессивное речевое поведение как однозначно негативное воздействие или взаимодействие [Щербинина 2012: 15]. Не сомневаясь в верности данного утверждения по отношению к повседневному или педагогическому дискурсу, заметим, что применительно к политическому дискурсу, особенно к парламентскому, все не так однозначно.

Речевая агрессия в политическом общении — это «речевые акты и коммуникативные ходы, направленные на причинение ущерба политическому противнику» [Шейгал 2004: 230]. Речевая агрессия, в отличие от других средств отрицательной оценки, направлена на «понижение социального (политического) статуса объекта» [Шейгал 2004: 230—231]. В парламенте речевая агрессия является значимой для конвенциональности диалога и выполняет множество функций, в том числе ориентирующую, позволяющую при помощи различного рода вербальных маркеров обозначения оппонента публично определить позицию фракции или депутата по тому или иному дискуссионному вопросу [Громыко 2010: 158—170].

О том, что речевая агрессия играла большую роль в дискуссионной речи I Государственной думы, свидетельствуют воспоминания очевидцев и участников думских событий начала XX в. С первых дней существования Думы 1906 г. ее современники были поражены эмоциональным накалом всего того, что происходило в Таврическом дворце. Агрессивное речевое поведение Думы в целом было связано с политическим антагонизмом между депутатами и правительством. Либерально настроенные журналисты называли I Государственную думу «Думой народного гнева». Военный министр А. Редигер вспоминал: «У Думы серьезной работы не было, да едва ли она даже была бы в состоянии заняться ею — она всецело была поглощена ненавистью ко всему существующему, желанием сокрушить его в корне. Представители правительства, появившиеся в Думе, подвергались оскорблениям, и Дума, считая себя всемогущей, смотрела на них как на подсудимых, осыпала их бранью и криками „вон!“» [Редигер 1999: 51].

Вербальная агрессия в I Государственной думе была генетически связана с митингами и революцией 1905 года. Большинство депутатов Думы были свидетелями, а ряд народных представителей и непосредственными участниками крупнейших в истории России митингов, прошедших в 1905 г. в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе. Дума унаследовала митинговый пафос — особую ре-

лизацию гражданского пафоса, суть которой заключается в последовательном коллективном нагнетании эмоций, отодвигающих на второй план информационную составляющую речевого общения. В масштабах всей дискуссии при помощи речевой агрессии поддерживался единый модалный (эмоциональный) план думского текста [Громыко 2010].

В дореволюционных парламентах последующих созывов роль речевой агрессии меняется, она перестает быть единым модалным фоном дискуссии и становится прерогативой лишь некоторых депутатов, пользовавшихся этим средством воздействия наиболее ярко и искусно. Каждая фракция располагала как минимум одним-двумя трибунами, которым априори со стороны как фракции, так и ее оппонентов разрешалось агрессивное поведение и которые как бы специализировались на нем. В этом смысле правые националисты не уступали более многочисленным фракциям: В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков были самыми активными ораторами из всех депутатов Думы третьего созыва [Кирьянов 2009: 236], их выступления вызвали шум и свист с левой стороны и восхищенные аплодисменты справа.

В процессе анализа речевой деятельности депутатов-черносотенцев обращает на себя внимание в первую очередь **объект** речевой агрессии.

1. В большинстве случаев речевая атака производилась на депутатов-оппонентов, присутствующих в зале заседаний и недавно закончивших свои выступления. Это, как ни странно, довольно специфический объект, если иметь в виду, что депутаты других фракций, например конституционные демократы, предпочитали публичное понижение статуса не депутатов, а членов правительства, как присутствующих в Думе, так и уже покинувших ее. У националистов же начиная со Второй Думы наметились настоящие словесные дуэли именно с другими депутатами. Так, например, одно из самых ярких и длительных речевых противостояний в истории отечественного парламента — думский скандал между В. М. Пуришкевичем и лидером кадетов П. Н. Милюковым. *Пуришкевич: Но если бы я был морским министром (смех) или русским военным министром (смех) и если бы, господа, в такую комиссию, которая меня пригласила бы (смех) вошел депутат Милюков, я бы... (крики, стук, голоса: вон!) ...я бы застегнулся на все пуговицы и вышел бы из этой комиссии, зная, кто таков тот и как имя тому, кто в нее входит (поднимает воротник. Крики). — Милюков мерзавец. (С поднятым воротником сходит с трибуны и кричит: Милюков подлец... указывая рукой*

на Милюкова. Милюков подлец!) [ГД 1908: 1417—1419]. Как видно даже из этого небольшого фрагмента выступления, депутат использует самую жесткую разновидность речевой агрессии — публичное оскорбление, при этом сопровождает свое высказывание активным использованием паравербальных средств. Высказывание Пуришкевича было признано председательствующим «непарламентским», а сам депутат был удален на 15 заседаний. Такое поведение было в целом характерно для парламентской деятельности Пуришкевича. Трудно не согласиться с И. К. Кирьяновым, который считает В. М. Пуришкевича вместе с социал-демократом Г. А. Алексинским родоначальником традиции думского скандала [Кирьянов 2009: 277]. Заметим, что одной из главных особенностей риторики Пуришкевича является и постоянное обращение к этнической тематике [Матвеев 2016: 121].

Внутрипарламентская личностно ориентированная речевая агрессия была характерна и для Н. Е. Маркова, но выражалась она в менее деструктивных формах, зато по отношению к большему количеству депутатов. Жертвой Маркова Второго, как его называли в Думе, в разное время были тот же П. Н. Милюков, А. И. Шингарев, И. Л. Мерзляков, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгин и другие. Случаи агрессии по отношению к членам правительства, посещавшим Думу, были единичны. Депутаты-националисты предпочитали критиковать министров, но не играть на понижение их статуса.

2. Важным объектом речевой агрессии депутатов-черносотенцев были различные национальные группы, которые можно условно назвать «нерусские». В первую очередь, конечно же, необходимо сказать о евреях, так как именно права этой национальной группы, а точнее необходимость сохранения черты оседлости, входили в перечень основных политических требований. Сразу же необходимо оговориться, что евреи очень редко были специфическим объектом атаки с думской трибуны, собственнно еврейскому вопросу было посвящено лишь несколько выступлений. Вместо этого депутаты-националисты предпочитали резко негативные упоминания о евреях в речах различной тематики, подчас никак не связанной с национальными вопросами. Неудивительно, что и формы этой речевой агрессии были крайне разнообразны у разных ораторов.

Как ни странно, но мягче всех своих коллег по «Союзу русского народа» высказывался по отношению к евреям, пожалуй, главный антисемит Российской империи начала XX в. Паволакий Крушеван. В своих думских речах

он старался нарочито не упоминать евреев, а вместо этого использовал различного рода эвфемизмы [Громыко 2016]. Например, вместо националистического штампа «лживая еврейская печать» (он, нужно заметить, два раза встречается и в думских выступлениях Крушевана, но гораздо чаще в его неинституциональных речах: на митингах, собраниях, встречах с однопартийцами) политик произносит фразу: *О, если бы только тут действительно была эта правда, если бы не та печать, нерусская, которая, муслируя общественное мнение, заполняет всякой ложью народную душу, одурачила народ, если бы не это, вы увидели бы и услышали здесь совершенно другое* [ГД 1907: 233—334]. В отличие от непарламентских выступлений Крушевана его думские речи содержат скорее объяснение экономической подоплеки негативного отношения к евреям (евреи как перекупщики земли, закрепощающие русских крестьян), чем оголтелый национализм. Это является наглядным примером того, как вхождение правых радикалов в парламент заставило их рационализировать свое негативное отношение к «нерусским» и вербализовывать его в «парламентских» выражениях.

В то же время Н. Е. Марков в своих выступлениях активно эксплуатировал существовавшие стереотипы о евреях, еврейской печати и еврейском антироссийском заговоре, особенно в предвоенные месяцы 1914 г. Например, Марков Второй призывал не ссориться с Германией, так как это выгодно именно евреям: *...Нечего нам идти на поводу у этой левой печати, у международной шайки, которая, конечно, руководится, как вам известно, Всемирным израильским союзом, а Всемирный израильский союз ведет открытую, явную и тайную войну с Россией, и вся эта печать, на которую ссылаются, субсидируется из еврейских денег* [ГД 1914: 430]. В годы Первой мировой войны оратор повышает интенсивность речевой атаки на евреев, акцентируя внимание на различиях в поведении и социальном положении русских и евреев: *Университеты пусты, русские студенты взяты на войну, а туда шлют массу евреев; русские адвокаты ушли на войну, на их места шлют евреев, русские врачи работают, не покладая рук, на фронте, их места заполняют еврейские докторессы. Что вы делаете, господа, ведь вы готовите еврейский погром — ужасный, всемирный погром!* [ГД 1916: 1455].

Однако не только евреи подвергались речевой атаке с трибуны Государственной думы. Целые выступления депутатов-националистов были посвящены, например, финнам, причем объектом речевой агрессии в этом

случае становились не столько отдельные представители нации, сколько финское государство, общество и нация в целом. С точки зрения политкорректности современного институционального публичного выступления это выглядит дико и как раз создает впечатление «пещерного» национализма, но в самой дореволюционной Думе это не осуждалось председательствующим и не считалось нарушением парламентского регламента. При этом Марков Второй применительно к Финляндии создал и активно тиражировал несколько деструктивных стереотипов. Во-первых, представление о несостоятельности финской государственности (*Итак, никакого сейма в Борго не было, а было в Борго собрание изменников шведскому королю* [Речи 1908: 12]); во-вторых, утверждение о том, что Финляндия существует и развивается за счет России, при этом оратором использовались бытовые и соматические метафоры (*Финляндия за эти 100 лет разжирела и отъелась на русских деньгах за счет русской крови, русского пота. Нетрудно быть культурным, когда вас кормит все государство и когда вы государству почти ничего не платите. Я утверждаю, что культура финляндская — это тепличный цветок, возросший в российских парниках, на русском навозе, на русском удобрении. Финляндцы выросли на наш счет и нечего им гордиться тем, что на русском удобрении растут финляндские орхидеи* [Речи 1908: 14]); в-третьих, создание образа врага, готового в любой момент напасть на Россию и уничтожить русских (*Я не удивлюсь, если однажды 30000 или 40000 мирных финляндцев внезапно кинутся на Петербург, в то время, когда, быть может, в Петербурге не будет ни гвардии, ни других каких-либо войск* [Речи 1908: 19]).

Наиболее агрессивными представляются высказывания депутатов именно о финском народе. Излюбленный риторический прием Маркова Второго — сопоставление обсуждаемого предмета с бытовым примером и резкий, угрожающий вывод по результатам такого сопоставления — сработал и здесь. Для демонстрации своего понимания «финского вопроса» депутат привел в пример дворянина Курской губернии Макова, который отказался выполнять манифест об освобождении крестьян, подал в курский суд жалобу на императора Александра II, а затем был помещен в психиатрическую лечебницу. *Но что же делать нам с тем маленьким народом, который желает поступить в отношении к России точно так же, как курский дворянин Измаил Маков, хотевший доказать бумажными документами свои права на то, чего Россия ни в коем случае не может до-*

пустить и никогда не допустит...? Если целый народ нельзя заключить в сумасшедший дом, как это сделали с дворянином Марковым, то все же не пришлось бы надеть на него смиренную рубашку! [Речи 1908: 13].

Таким образом, речевая агрессия по отношению к евреям была «распылена» по большому количеству выступлений разной тематической направленности, а против других «нерусских» — сконцентрирована в специальных речах, посвященных только этому национальному вопросу, поэтому последние были более жесткими и деструктивными и почти всегда содержали угрозы.

3. Русские как объект речевой агрессии устойчиво отражаются в речах русских крайне правых депутатов. Правда, речевая атака носила несколько иной характер. Публичной дискредитации подвергались не все русские, а некоторые группы, в первую очередь левые и крестьяне, но ораторы стремились подчеркнуть не только их социальное положение и политические убеждения, но и национальную принадлежность. Интересно, что некоторые депутаты-черносотенцы даже приводили в пример русским другие нации, которые в ином контексте могли рассматриваться как враждебные. *Марков Второй: «Я к тому это привел, что все рассказчики, в особенности оттуда, где земли и без того много, — все эти пермские и вятские священники, которые вопят о бедствии пермских крестьян, они просто хлопчут о том, чтобы крестьянство пермское могло продолжить бездельничать, как оно бездельничает сейчас... Берите пример с поляков: поляки молчат, говорят, что могут жить при 3/4 десятины земли, а вы при 5 не можете! Разве у поляков лучше земля? Там есть и пески, и болота, но поляки трудятся, вкладывают пот и кровь в свою землю, и вы, русские пермяки, стыдитесь поляков»* [ГД 1995: 216].

Обращает на себя внимание и наметившееся в выступлениях депутатов Третьей Думы разделение позитивного или, по крайней мере, сочувственного отношения к крестьянину как к русскому человеку и резко негативного к коллективу крестьян, особенно к крестьянской общине: *Отдельный крестьянин, отдельный русский крестьянин — прекрасный, добрый, хороший, отзывчивый человек, но когда они собираются толпой, когда они составляют из себя общину, когда эту общину разные писари споят водкой, тогда действительно эта община является зверем, и с этим зверем надо бороться* [ГД 1995: 217]. Гневную отповедь всегда вызывали и любые апелляции русских к региональной специфике, жалобы на более тяжелую, чем в других регионах, жизнь. Это до-

вольно резко оценивалось депутатами-националистами чуть ли не как проявления сепаратизма, как, например, в ряде случаев с депутатами-сибиряками.

Русские как нация в целом скорее критикуются, чем подвергаются речевой атаке, за отсутствие прагматизма, мягкость, идеализм, излишнюю простоту и прямоту во взаимоотношении с другими нациями и государствами. В российском парламенте националисты внедряли негативный стереотип «русских донкихотов» в международной политике [ГД 1914: 430].

В основе речевой агрессии русских националистов в Думе лежала **ирония**, переходящая в издевку и осмеяние. Этим они отличались от левых и кадетов, основывавших свои речевые атаки на революционном или гневном пафосе. Н. Б. Руженцева, рассматривая иронию в качестве одного из проявлений речевой тактики дискредитации, замечает, что ирония получила большое распространение в современном политическом дискурсе прежде всего вследствие ограничений в использовании прямых инвективных средств для умаления чьего-либо авторитета [Руженцева 2004: 68]. Безусловно, это глубокое и важное положение применимо не только к современной политической речи, но и к русскому политическому дискурсу начала XX в., когда первые публичные демократические институты власти начали накладывать серьезные ограничения на высказывания агентов дискурса. Этой же причиной можно объяснить и впечатляющее распространение иронии в выступлениях именно националистов в дореволюционных парламентах. Крупнейшая политическая партия России начала XX в. — Конституционно-демократическая партия — была центристской по своей политической платформе, концентрировалась в первую очередь на экономических и социальных требованиях, изначально быстро интегрировалась в политическую систему России и имела развитую систему коммуникации с общественностью (газета «Речь», журнал «Вестник партии народной свободы»), поэтому агрессивные высказывания ее представителей в Думе укладывались в зарождающуюся систему допустимых («парламентских») речевых средств дискредитации противника. Левые радикалы — социал-демократы — уже во Второй Думе продемонстрировали шаблонность вербализации речевой агрессии, основывавшейся на выработанных классиками социализма ярлыках: «угнетаемые классы», «эксплуататоры», «власть пролетариата», «кровавая революция» и т. п. Депутаты-социалисты использовали идеологически маркированную лексику, которая настолько

контрастировала с общелитературным языком, что коллеги по парламенту часто сравнивали их с попугаями, подчеркивая шаблонность высказываний и птичий язык, которым выражались левые (П. А. Крушеван, например, несколько раз называл их «красными какаду»). Таким образом, именно перед правыми радикалами в первую очередь стояла задача «перевода» речевой агрессии с языка митинга и собрания черносотенцев в цивилизованный парламентский регистр: самим депутатам было понятно, что, например, выражение «жидовское отродье» будет табуировано в парламенте, а различного рода идеологии типа «евреи — предатели русской земли» или «кадеты исполняют волю враждебных России стран» не могут бесконечно тиражироваться, не подвергнувшись инфляции персуазивности.

Ирония в политическом дискурсе, как и в сфере художественной коммуникации, представляет собой индивидуально-инициативный смех, который имеет отчуждающе-насмешливый характер [Хализев 1999: 77] и направлен на осмеяние, дискредитацию кого-либо. Обязательным компонентом иронии в политической коммуникации является комическое несоответствие, проявляющееся в том, что «лицо или явление неожиданно подводится под понятие, в основном чуждое ему» [Руженцева 2004: 69]. Уточним лишь, что, на наш взгляд, это несоответствие может быть не только логическим, но и языковым, стилистическим.

Классическим проявлением иронии думских националистов было осмеяние политического статуса и политических взглядов оппонента: *В Германии Либкнехт, друг Николая Семеновича Чхеидзе, — в тюрьме. И хорошо* [ГД 1995б: 78]. В данном случае высмеивается политический статус депутата: грузинский меньшевик Чхеидзе сопоставляется с влиятельнейшим и известнейшим немецким коммунистом Карлом Либкнехтом, причем последний называется «другом» Чхеидзе. Такое сопоставление фигур разной величины и разного влияния вкупе с косвенной угрозой тюрьмы играет на понижение статуса оппонента. Комментируя выступление Милюкова, Марков Второй следующим образом иронически переосмысливал тональность речи депутата-противника: *Касаясь дел Китая, получил и президент так называемой Китайской республики выговор, впрочем, вместе с ним и наш министр иностранных дел, который виноват в том, что затруднился назвать теперешнее правление Китая „республикой“, и профессор сейчас же его притянул к ответу* [ГД 1914: 426]. В ироническом высказывании зачастую одновременно присутствовали логическое и языковое несоответствия.

Например, Марков Второй следующим образом упоминал депутата Шульгина, перешедшего из фракции крайних правых во фракцию центристов: *Отныне этот быллой ярый антисемит Василий Витальевич Шульгин возлежит на лоне г. Фридмана и г. Бомаша (Смех)* [ГД 1916: 1443]. С одной стороны, сопоставляется антисемитизм Шульгина и национальность его новых единомышленников, с другой, — ситуация смены фракции обозначается возвышенным поэтическим фразеологизмом «возлежать на лоне», имеющим значение «стать близким кому-либо».

Ироническое высказывание, имеющее высокую степень инвективности, называется осмеянием. Цель осмеяния в политическом дискурсе — дать резко негативную оценку политическому оппоненту посредством грубой, а иногда и откровенно циничной иронии, основанной на особых «понижающих» средствах: сниженной лексике и фразеологии, сексуальных или бытовых метафорах, негативных прецедентных феноменах и т. п. В речах депутатов-националистов можно выделить несколько продуктивных моделей осмеяния.

1. Сочетание соматической или бытовой метафоры со сниженной лексикой. *Вы, конечно, можете думать, что я каждый завтрак закусываю по еврею, а за обедом ем по жидовке. Это ваше дело, но я хочу остеречь вас от ослепления, от теоретического увлечения* [ГД 1916: 1455]. Эта модель активно использовалась и по отношению к личности конкретных депутатов-оппонентов: *Мне эту мысль трудно понять. Я не получил домашнего воспитания на задворках скотного двора* [ГД 1916: 1584]. Высказывания, созданные по этой модели, использовались практически всеми депутатами-черносотенцами в той или иной мере и обладали высоким уровнем инвективности.

2. Трансформация прецедентных высказываний. Исследуемый круг депутатов часто использовал русские народные пословицы и поговорки применительно к оппонентам или к ситуации в Думе в целом. При этом данные пословицы, как правило, имели негативную оценочность. В ряде случаев негативная эвфемистичность достигалась за счет простой подстановки фамилии оппонента вместо слов «дурак», «пьяный» и т. п. *Депутат Чхенкели раскрыл скобки, которые искусно закрывал депутат Милюков, ибо, как вам известно, господа, то, что у депутата Милюкова на уме, то у депутата Чхенкели на языке* [ГД 1914: 422]. Эта модель была особенно частотной в речах Маркова Второго. В его же выступлениях можно встретить и другой тип прецедентных высказываний — библейские и евангельские выражения, которые чаще всего

использовались без отсылки к источнику. Эти высказывания зачастую были призваны адресовать слушателя к иудейской культуре, провести параллели с библейскими сюжетами, а иногда и просто подчеркнуть еврейское происхождение оппонента. Так, например, в своей речи депутат использует несколько трансформированное приемом умолчания о нации известное евангельское выражение «израильтянин, в котором нет лукавства»: *Когда г. Ефремов вышел на кафедру, я наслаждался, слушая его: вот человек, который говорит буквально то, что думает и чувствует, человек, в котором нет лукавства, чего, к сожалению, не могу сказать о других его друзьях. (Смех.) Так вот, этот человек, в котором нет лукавства, прямо сказал, что вам нужно: нам, говорил он, нужно, чтобы министры назначались большинством Государственной Думы [ГД 1916: 1441].*

3. Активное использование прецедентных феноменов. Помимо прецедентных высказываний и текстов выступления депутатов-националистов содержат большое количество прецедентных онимов, знаков и ситуаций из области русской и европейской истории и культуры. Вообще прецедентность в ряде случаев заменяла собой аргументацию, а в выступлениях Пуришкевича и Маркова Второго можно даже увидеть тенденцию подмены заявленной темы дискуссии различного рода историческими экскурсами, из которых делаются выводы о современном состоянии проблемы. Особенно это заметно в речах, посвященных внешнеполитическим вопросам. По логике депутатов-националистов, отношения с другими странами и нациями должны были строиться в первую очередь исходя из исторических связей, а не из современных реалий. И в этих случаях осмеянию подвергались не только оппоненты, не достаточно учитывавшие, по мнению националистов, исторический аспект, но и сами государства, нации, их представители и символы государственности. *Нельзя одними щитами загораживаться от явных нападений врагов, надо бить и поражать врага, а не только заслоняться заслонами. Я не могу допустить северных кошек. Неужели у русского страха так велики стали глаза, что кошки уже кажутся львами?* [Речи 1908: 12].

Выявленные особенности речевой агрессии депутатов-националистов демонстрируют достаточно сложные и интересные механизмы ее формирования и функционирования. Ведущая роль иронии и осмеяния, а также распространенность прецедентности в развернутых выступлениях свидетельствуют о том, что процесс развития русской парламентской ри-

торики представлял собой совокупность качественных изменений в прагматике устной публичной политической речи под влиянием большого количества институциональных ограничений, которые, в свою очередь, сами стремительно видоизменялись в дореволюционной Государственной думе от созыва к созыву.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабикова М. Р., Ворошилова М. Б. Аллогенные жанры в современном экстремистском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 160—164.
2. Балукова Н. А., Веснина Л. Е. Коммуникативные стратегии и тактики в текстах религиозной организации «Великое Белое Братство „Юсмалос“» // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 199—208.
3. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 242—245.
4. Государственная дума. Созыв второй. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Том 1. Заседания 1—30. — СПб., 1907.
5. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Часть 4. Заседания 76—97 (с 7 по 28 мая 1914 г.). — СПб., 1914.
6. Государственная Дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. — Петроград, 1916.
7. Государственная Дума 1906—1917 : стенографические отчеты. — М., 1995. Т. III.(а).
8. Государственная Дума 1906—1917 : стенографические отчеты. — М., 1995. Т. IV. (б).
9. Громыко С. А. Кооперация и конфронтация в парламентских речах русских националистов в начале XX века (на примере выступлений П. А. Крушевана) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6 (60). С. 70—73.
10. Громыко С. А. Приемы и средства речевого общения в I Государственной думе 1906 года. — Вологда, 2010.
11. Злоказов К. В., Софронова А. Ю. Образы коммуникаторов и стратегии воздействия при пропаганде идей террористической организации «Исламское государство» // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 247—253.
12. Кирьянов И. К. Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве : дис. ... д-ра ист. наук. — Пермь, 2009.
13. Матвеев А. В. Идеологема «русский» в думской риторике В. М. Пуришкевича (опыт контент-анализа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 118—122.
14. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. — Минск, 1999.
15. Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. Т. 1. — М., 1999.
16. Речи членов Государственной Думы Маркова 2-го и Пуришкевича по запросу о Финляндии 12 и 13 мая 1908 года. — СПб. : Россия, 1908.
17. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2004.
18. Стенографические отчеты / Гос. дума, третий созыв, 1907—1908 г., сессия первая. — СПб : Государственная типография, 1908.
19. Тагильцева Ю. Р. «В ту ночь, когда рождались волки», или «Поэзия» информационно-психологического воздействия религиозно-политического экстремизма // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 165—170.
20. Хализев В. Е. Теория литературы. — М. : Высшая школа, 1999.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М., 2004.
22. Щербина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. — М. : Форум, 2012.
23. Экстремистский текст и деструктивная личность : моногр. / Ю. А. Антонова и др. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2014.

S. A. Gromyko
Vologda, Russia

THE FEATURES OF THE VERBAL AGGRESSION OF RUSSIAN NATIONALISTS IN PRE-REVOLUTIONARY STATE DUMA

ABSTRACT. Based on the analysis of discussions in pre-revolutionary State Duma, the paper considers some aspects of Russian parliamentary rhetoric of the early twentieth century. The main subject of the author's attention is oral public speech of Russian nationalists. In the paper, speeches of the most famous nationalists among the Duma deputies such as P.A. Krushevan, V.M. Purishkevich, N.E. Markov are studied. Verbal aggression has an important role in their speeches. There are three main objects of the speakers' verbal aggression: the deputies who were present in the meeting room (some members of this group were the instigators of scandals in Duma), «non-Russians» (the verbal attacks on Jews were insignificant and dispersed to several different speeches, while hate speeches against other nations were detailed, intense and contained threats), and the Russians.

Verbal aggression of the Duma nationalists was based on irony turning into mockery and ridicule. The expansion of irony in the speeches of the nationalists was due to the development of institutional constraints in the Duma discourse. The widespread use of precedent sayings and names in the speeches of extreme right-wing deputies is also closely related to irony.

KEYWORDS: parliamentary speech; parliamentary rhetoric; political linguistics; verbal aggression; irony; pragmatics.

ABOUT THE AUTHOR: Gromyko Sergey Alexandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Journalism and Communication Theory, Philological Faculty, Vologda State University.

REFERENCES

1. Babikova M. R., Voroshilova M. B. Allogennyye zhanry v sovremennom ekstremistskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 160—164.
2. Balukova N. A., Vesnina L. E. Kommunikativnyye strategii i taktiki v tekstakh religioznoy organizatsii «Velikoe Beloe Bratstvo „Yusmalos“» // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 3 (45). S. 199—208.
3. Voroshilova M. B. Kognitivnyy arsenal i kommunikativnyye strategii sovremennogo natsionalisticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2014. № 3 (49). S. 242—245.
4. Gosudarstvennaya дума. Sozyv vtoroy. Stenograficheskie otchety. Sessiya vtoraya. Tom 1. Zasedaniya 1—30. — SPb., 1907.
5. Gosudarstvennaya Дума. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskie otchety. 1914 g. Sessiya vtoraya. Chast' 4. Zasedaniya 76—97 (s 7 po 28 maya 1914 g.). — SPb., 1914.
6. Gosudarstvennaya Дума. Chetvertyy sozyv. Stenograficheskie otchety. Sessiya chetvertaya. — Petrograd, 1916.
7. Gosudarstvennaya Дума 1906—1917 : stenograficheskie otchety. — M., 1995. T. III. (a).
8. Gosudarstvennaya Дума 1906—1917 : stenograficheskie otchety. — M., 1995. T. IV. (b).
9. Gromyko S. A. Kooperatsiya i konfrontatsiya v parlament-skikh rechakh russkikh natsionalistov v nachale KhKh veka (na primere vystupleniy P. A. Krushevana) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 6 (60). S. 70—73.
10. Gromyko S. A. Priemy i sredstva rechevogo obshcheniya v I Gosudarstvennoy dume 1906 goda. — Vologda, 2010.
11. Zlokazov K. V., Sofronova A. Yu. Obrazy kommunikatorov i strategii vozdeystviya pri propagande idey terroristicheskoy organizatsii «Islamskoe gosudarstvo» // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 2 (52). S. 247—253.
12. Kir'yanov I. K. Rossiyskie parlamentarii nachala KhKh veka: novye politiki v novom politicheskom prostranstve : dis. ... d-ra ist. nauk. — Perm', 2009.
13. Matveev A. V. Ideologema «russkiy» v dumskoy ritorike V. M. Purishkevicha (opyt kontent-analiza) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7 (69). Ch. 2. S. 118—122.
14. Noveyshiyy filosofskiy slovar' / pod red. A. A. Gritsanova. — Minsk, 1999.
15. Rediger A. F. Istoriya moey zhizni. Vospominaniya voennogo ministra. V 2 t. T. 1. — M., 1999.
16. Rechi chlenov Gosudarstvennoy Dumy Markova 2-go i Purishkevicha po zaprosu o Finlyandii 12 i 13 maya 1908 goda. — SPb. : Rossiya, 1908.
17. Ruzhentseva N. B. Diskreditiruyushchie taktiki i priemy v rossiyskom politicheskom diskurse / Ural. gos. ped.un-t. — Ekaterinburg, 2004.
18. Stenograficheskie otchety / Gos. дума, tretiy sozyv, 1907—1908 gg., sessiya pervaya. — SPb : Gosudarstvennaya tipografiya, 1908.
19. Tagil'tseva Yu. R. «V tu noch', kogda rozhdalis' volki», ili «Poeziya» informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya religiozno-politicheskogo ekstremizma // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 4 (54). S. 165—170.
20. Khalizev V. E. Teoriya literatury. — M. : Vysshaya shkola, 1999.
21. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — M., 2004.
22. Shcherbinina Yu. V. Rechevaya agressiya. Territoriya vrazhdy. — M. : Forum, 2012.
23. Ekstremistskiy tekst i destruktivnaya lichnost' : monogr. / Yu. A. Antonova i dr. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2014.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.